

*Николай Михайлович
Карамзин*

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В Д В Е Н А Д Ц А Т И Т О М А Х

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

(1776–1826)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Томы I—III

Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

На корешках книг многотомника представлена
панорама *Фридриха Дюрфельда*.
Вид Кремля с Софийской набережной. 1790-е гг.

Карамзин, Николай Михайлович.

К21 История государства Российского. В двенадцати
томах. Тома I—III / Н. М. Карамзин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-04-228558-5

210 лет назад отечественному читателю были представлены первые тома издания «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Публикация произвела ошеломляющее воздействие на современников. Карамзин стал первым, кто открыл отечественную историю для широкого круга российского общества. Впервые наши соотечественники узнали, что история России не менее занимательная и поучительная, чем мировая. А незаурядный литературный талант автора, изящество его стиля сделали это монументальное произведение величайшим достижением золотого века русской литературы. И сегодня 12-томное творение российского классика остается ярким, живым, уникальным явлением русской культуры.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-228558-5

© Составление, комментарии, иллюстрации, макет.
Fortune Triumph Ltd, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 2026 году Россия отмечает 260-летие со дня рождения Н. М. Карамзина. Для Издательства «Эксмо», которое много лет пропагандирует научное и литературное наследие Н. М. Карамзина, это событие стало еще одним приятным поводом выразить свою признательность гениальному отечественному автору.

Иллюстративный ряд к этому изданию отбирался с тщанием и пиететом перед интеллектуальным подвигом Н. М. Карамзина. Мы представляем современному российскому читателю цельный комплект рисунков из альбома «История государства Российского в изображениях державных его правителей» профессора исторической живописи Императорской Академии художеств Василия Петровича Верещагина (1835–1909). Вот что написал художник в предисловии к своей работе, которая увидела свет в 1891 году, в канун 125-летнего юбилея Н. М. Карамзина: «Оставаясь верным своей цели, я не находил ни возможным, ни нужным обходить рисунком какого-либо правителя вследствие кратковременности или незначительности его деятельности, я старался, строго держась исторических указаний, изобразить каждого Державного Правителя или в связи с одним каким-нибудь наиболее важным событием его жизни и деятельности, или в такой обстановке и с такими

аксессуарами, которые могут давать понятие или о характере изображаемого лица, или о духе того времени, когда он жил. Как художник надеюсь, что если рисунки возбуждают в ком-либо интерес и желание поближе ознакомиться с историей России, тот уже найдет возможность удовлетворить такому стремлению.» Эти рисунки мы поместили непосредственно в тексте книги Н. М. Карамзина по хронологии повествования. Подписи и пояснительные надписи к этим рисункам были выполнены самим художником.

Иллюстративный ряд издания дополнили миниатюры из старинных летописей, фрески росписей самых значительных православных храмов России, картины отечественных художников, работавших в историческом жанре.

Отдельным подарком для современного читателя станет и другое юбилейное издание, первый том которого увидел свет в канун 70-летнего юбилея со дня рождения Н. М. Карамзина и в ознаменование 10-летия окончания его фундаментального труда. В 1836–1844 гг. выходил «Живописный Карамзин, или русская история в картинах». Его издатель — Андрей Прево — представил российской публике своеобразное художественное переложение «Истории государства Российского». Оно было обращено

к самому широкому кругу читателей и представляло собой собрание литографий, на которых были изображены ключевые моменты русской истории.

«Живописный Карамзин» состоит из 3-х частей: 1. От Рюрика до нашествия татар (860–1238); 2. От покорения России татарами до восшествия на престол благословенного дома Романовых (1238–1612); 3. От призвания на царство Михаила Федоровича Романова до вступления на престол императора Николая I-го (1611–1825). Для оформления книги были использованы 160 иллюстраций Бориса Артемьевича Чорикова (1802–1866) — знаменитого русского художника, тогда — выпускника Императорской Академии наук.

При работе над «Историей государства Российского» Б. А. Чориков создал более 300 рисунков, на основе которых затем были сделаны литографии. Каждая иллюстрация сопровождается названием, вписанным в общую структуру литографии, и пояснительным текстом. В первых двух томах (1836, 1838 гг.) поясни-

тельный текст к литографиям был написан Владимиром Михайловичем Строевым (1812–1862), автором исторических книг, журналистом, переводчиком. В третьем томе автором подробных пояснений к картинам стал Борис Михайлович Федоров (1798–1875).

Необычная подача исторического материала с использованием множества иллюстраций сделала издание «Живописного Карамзина» невероятно востребованным. Однако сегодняшнему российскому читателю эти литографии известны только частично. В отдельном томе настоящего издания мы приводим их в полном объеме и по составу их публикации, и по объему изданного материала.

Издательство выражает огромную признательность Льву Рофваргу (Германия) и Эрику Оноблю (Франция), любезно предоставившим в распоряжение издательства коллекционные издания и терпеливо относившимся к вторжению современных печатных технологий в редкие и столь хрупкие шедевры книгоиздательского искусства.

ЛУЧШАЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ АВТОР

«История государства Российского»
есть не только создание великого писателя,
но и подвиг честного человека.

А. С. Пушкин

Великие литературные памятники не нуждаются в рекомендациях, поэтому, как правило, издаются без предисловия. Однако совсем отказаться от представления современному читателю монументального исторического труда, не так давно отметившего свой двухвековой юбилей, было бы, на наш взгляд, неразумно. Не претендуя на то, чтобы давать обстоятельную оценку выдающемуся сочинению русской культуры, мы ограничимся несколькими замечаниями, предваряющими ваше знакомство с трудом, в которой уместился двенадцатитомный и двадцатитрехлетний труд ее автора. И прежде всего мы должны хотя бы в общих чертах изложить историю самого автора — крупнейшего русского писателя эпохи сентиментализма (прозванного русским Стерном), деятельного редактора, выдающегося историографа, крупного реформатора русского языка, первого, кто придал ему легкость, столь блистательно развитую впоследствии Пушкиным.

* * *

Николай Михайлович Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года в семье средней руки помещика, при-

ходившего из известного со времен Ивана Грозного крымско-татарского рода. Раннее детство провел в симбирском имении отца, затем воспитывался в частном пансионе в Симбирске, потом, с десяти до пятнадцати лет, в московском пансионе профессора И.-М. Шадена, учился в Московском университете, служил (числился) в армии, в 1784 году вышел в отставку и уехал в Симбирск. Годы 1785–1789 провел в Москве, где сблизился с кругом видных масонов. К концу этого периода опубликовал первую оригинальную повесть — «Евгений и Юлия» (1789). Охладев к масонским идеям, на год (1789–1790) уехал в Европу. Петербург, Дерпт, Рига, Кенигсберг¹, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Веймар², Франкфурт-на-Майне — что ни город, то университет или центр культурной мысли. Во Франкфурте Карамзин узнал о взятии Бастилии.

За Франкфуртом последовали Женева, Лион и Париж — опасная, притягательная, возбуждающая ум и чувства, полная телесных и духовных соблазнов столица Франции, в которой рождалось в те месяцы будущее Европы. Там жадный до впечатлений русский путешественник посещает

заседания Национального собрания, слушает речи Мирабо и Робеспьера, читает газеты, ходит в театры — дышит воздухом революции, которого нет и еще 127 лет не будет в России³. Из Парижа он отплыл в Лондон, где пробыл недолго: после Франции Англия показалась еще полному парижского азарта Карамзину страной хотя и высоко цивилизованной, но политически флегматичной.

Вернувшись на родину, он окончательно размежевывается с масонами, сближается с Г. Р. Державиным и с января 1791 года по декабрь 1792 издает «Московский журнал». В эти два года произошло окончательное становление Карамзина: из ищущего своего места в жизни молодого человека он становится видной литературной фигурой — писателем и редактором, влияющим на умы просвещенной читательской публики, особенно молодой. Ему внимают, его высказывания приобретают авторитет. Начиная с «Писем русского путешественника», Карамзин будет обосновывать одну из главных своих идей — идею духовного прогресса человека под воздействием искусства и эволюции самого искусства от ходульного пафоса классицизма к гармоничной, «естественной» норме. Однако на этом пути ему предстояло преодолеть немало препятствий — интеллектуальных, биографических, политических.

Конец царствования Екатерины II и начало правления Павла I стали для Карамзина своеобразным переломом: чем больший протест вызывали у него

антифранцузская (читай: контрреволюционная) позиция императрицы и раздел Польши, чем сильнее возмущали репрессии против Радищева, Новикова и др., тем большие надежды возлагал он на ее наследника и преемника.

И поначалу они как будто оправдывались. В 1798 году Карамзин издавал альманах «Пантеон иностранной словесности» — уникальную по широте подбора и временному охвату хрестоматию переводов всемирной литературы. За один год он представил русской публике впечатляющую панораму мировой мысли и словесности и продемонстрировал богатство русского языка, используя сам выбор произведений как подбор аргументов в защиту своей позиции. Какова же была эта позиция, что отстаивал и пропагандировал молодой русский писатель, наделенный не только тонким вкусом и литературным талантом, но и общественным темпераментом? Какие проблемы ему предстояло осмыслить и какие задачи решить?

* * *

Одна из главных заслуг европейской культурной революции⁴ заключалась в повороте культуры к человеку. Научная и философская мысль, искусство как будто спохватились и осознали, что помимо высших сфер, области отвлеченных идей и возвышенных чувств, есть человек — источник этих идей и чувств. Возрождение, возникнув в Италии, постепенно овладело

всей Европой, но по мере своего продвижения теряло первоначальный импульс — и до далекой России добралось с большим опозданием и в сильно фрагментированном виде.

Не могло не сказаться это и на искусстве. Первая «религиозная по форме, но светская по содержанию» автобиография, «Житие протопопа Аввакума», была написана лишь в 70-х годах XVII века. 80 лет спустя императрица Елизавета Петровна учредила в России театр, но на протяжении десятилетий его репертуар составляли исключительно героические и назидательные представления на исторические либо мифологические сюжеты⁵. К концу XVIII века архаичность такого искусства стала очевидной: высокий образец превратился в тесный шаблон.

Как сама жизнь никогда не вмещалась в прокрустово ложе навязываемой нормы, так и литература более не желала слепо следовать прописям классицизма. Ей надоели упражнения в риторике; ощущалась острая потребность в обновлении всей системы культурных ценностей. Необходимо было выстроить новую систему интеллектуальных координат, в переосмыслении и модернизации нуждались словарь и стиль, сюжеты и герои, темы и идеи, а также способы их воплощения. И Карамзин одним из первых принял этот исторический вызов.

Господь вместе с проблемой предлагает нам и способы ее решения. Для

понимания того, что же нужно делать в сложившейся ситуации, где искать пути и способы обновления, достаточно было внимательно взглянуть в ход культурного процесса, который сам содержал в себе ответы на назревшие вопросы. Как в итальянской музыке песенки гондольеров превратились в искусство оперы, так и в молодой русской литературе низкие, площадные, устные жанры очень скоро начали вторгаться в область печатной беллетристики, а оказавшись внутри, начинали восхождение по иерархической лестнице. И Карамзин был в числе тех, кто немало поспособствовал этому. По-видимому, он одним из первых в России осознал глубинную суть этого процесса обновления, который с древности работает в искусстве и обществе. Лишь то общество жизнеспособно, в котором работают «социальные лифты», перемещающие лучших представителей низов в элиту. Лишь то искусство не вырождается в мертвый ритуал, в котором «низкие» жанры и стили переходят в «высокие».

Однако Карамзин не был разрушителем: не стремился ниспровергнуть идеалы классической древности, уронить в грязь высокие образцы. Его борьба с косным и отжившим отнюдь не означала, как это часто бывает у революционеров, уничтожения элитарного и назначения на его место низкопробного. Потерявших связь с реальностью идолов должен был сменить не распоясавшийся варвар, а просвещенный гражданин, чуткий к переменам, культурный и обладаю-

щий чувствительным сердцем — чувствительным к нуждам сегодняшнего дня, а не прошлых веков.

* * *

Вернемся к биографии нашего героя: без хотя бы поверхностного представления о ступенях духовной эволюции Карамзина мы не оценим в должной мере ни масштаба его творческого подвига, ни того влияния, которое он оказал на будущие поколения писателей, читателей, ученых и граждан России.

Убийство Павла в глазах просвещенного общества было если не оправданно, то объяснимо: его деспотизм, помноженный на явное психическое нездоровье, был опасен и не искупался никакими благими порывами. «Дней Александровых прекрасное начало» казалось многообещающим⁶. Двадцатитрехлетний император всем нравился и, что немаловажно, всем хотел нравиться. Это в 1815 году он станет организатором Священного союза, а в 1801 году он — учредитель Негласного комитета (комитета реформ). Не воспользоваться открывавшимися возможностями было нельзя: Карамзин вновь обращается к издательской практике. Два года (январь 1802-го — декабрь 1803-го) он издает «Вестник Европы» — предтечу всех последующих русских «толстых» журналов.

Позволим себе привести здесь мнение крупного специалиста, знатока жизни и творчества Карамзина

и его эпохи. Дадим слово специалисту: «Впервые в России частное издание, независимое от правительства и культивировавшее эту независимость, имело раздел политики... Карамзин выступил в “Вестнике Европы” публицистом, комментатором политических событий и международным обозревателем, сразу же обнаружив такую осведомленность, полноту сведений и зрелость мысли, которые даются лишь годами размышлений и непрерывного следования за событиями. Превращаясь в политического писателя, он имел сформировавшееся представление о задачах и целях политики (государства)». Анализируя идеологию находившегося в творческом зените писателя, тот же автор подчеркивает: «Карамзин защищал сложившийся *status quo*. Это был реалистический консерватизм “республиканца в душе”, подчеркнутый вызывающе независимой позой издателя журнала»⁷.

Таким образом, мы видим, какую большую эволюцию проделал Карамзин за 14 лет непрерывной творческой работы. Получив мощный интеллектуальный заряд в революционном Париже, он воплотил его в издании «Московского журнала». Затем наступили политические заморозки конца Екатерининской эпохи (1793–1796). Им на смену пришла недолгая павловская оттепель, в середине которой Карамзин с трудом сумел провести через цензуру три тома «Пантеона иностранной словесности». И наконец, умудренный

личным и политическим опытом, он пришел к общественно-политическому синтезу. Этот синтез не был свободен от некоторой утопичности, но в нем не было цинизма: зрелый Карамзин не утратил своего идеализма, то есть — стремления к идеалам. Одна, но пламенная страсть — «исправление сердец» — продолжала владеть им. И требовала выхода. Ни издательская деятельность, ни собственно писательство (мы вынужденно оставляем его за пределами нашего очерка) не могли удовлетворить Карамзина: он чувствовал, что призван к чему-то большему. И сделал шаг, определивший не только его будущее место в истории русской культуры, но и — не побоимся сказать — изменивший лицо русской культуры. Осенью 1803 года Карамзин обратился к товарищу (заместителю) министра народного просвещения с просьбой о назначении его историографом: «История государства Российского» дождалась своего автора.

* * *

Трудно переоценить вклад Карамзина в литературную практику. Благодаря его усилиям российская словесность, славная своим «тяжелозвонким скаканьем», начала учиться галльской легкости и английской ясности: русская литература становилась европейской, а значит — всемирной. Карамзин вошел в историю литературы как крупный реформатор русского языка, стремившийся «сблизить письмен-

ный язык с живой разговорной речью образованного общества»⁸.

Он обогатил наш словарь такими словами, как «будущность», «влияние», «влюбленность», «впечатление» и «гармония», «занимательный», «катастрофа», «моральный», «промышленность», «сосредоточить», «сцена», «трогательный», «эпоха», «эстетический». Лично перевел множество лучших произведений мировой литературы. Выступал как историк литературы и литературный критик. Создал жанр психологической повести; написал множество оригинальных литературных произведений, в том числе целый ряд известных и даже знаменитых («Бедная Лиза» и др.).

И однако, каким бы значительным писателем ни был Карамзин, — он был лишь предтечей отечественной беллетристики. Когда речь заходит о русской литературе, мы имеем в виду не его — мы подразумеваем Пушкина и всё (то есть, конечно, далеко не всё), что появилось после Пушкина.

Не то с «Историей государства Российского»: этот монумент не затмит ничто! Да, историки были и до Карамзина. Но кто сейчас помнит, тем более читает «Историю Российскую» В. Н. Татищева, «Историю Сибири» и «Опыт новейшей истории о России» Г.-Ф. Миллера, «Древнюю Российскую историю» М. В. Ломоносова или «Историю Российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова, не говоря о других, по-свое-

му замечательных произведениях — вроде 7-томного (!) «Исторического описания российской коммерции» М. Д. Чулкова? Только специалисты. Между тем двенадцать томов карамзинской истории вот уже два века переиздаются и находят все новых читателей в каждом следующем поколении.

Двадцать три года ушло у Карамзина на ее создание. Первый том был закончен уже к началу 1805 года, через год — второй, еще через два года — третий... Чтобы представить сложность (правильнее было бы сказать: неподъемность) этой работы, обратим ваше внимание лишь на следующее обстоятельство. Карамзин не просто излагал историю русской государственности — он ее открывал. В ходе работы Карамзиным и его помощниками были выявлены и использованы ценнейшие источники: летописи Вольнская, Ипатьевская, Лаврентьевская, Суздальская, Троицкая, Кормчая книга XIII века, древнейший список Русской Правды, Судебник Ивана Грозного и необозримое множество иных уникальных документов. Весь этот материал требовал сопоставления и осмысления. Доходило до того, что обнаружение неизвестной ранее летописи заставляло переделывать уже законченную работу (так произошло с пятым томом).

* * *

В несколько лет Карамзин сделался не просто лучшим знатоком отечественной истории: поскольку

он писал историю государства, то не мог не стать крупнейшим государственным мыслителем своего времени. Рискнем утверждать: он лучше, чем сам император, понимал истоки и эволюцию государственных структур, их функционирование, достоинства и недостатки. Проектом реформирования русской государственности в первые годы правления Александра занимался Сперанский — но, может быть, лучше было бы поручить проект Карамзину⁹. Собственно говоря, он по собственной инициативе занялся и этим: в 1811 году подал императору «Записку о древней и новой России» — «обзор русской истории, содержащий исключительно острую критику всей государственной политики Александра I»¹⁰. В этой «Записке», представлявшей собой обзор предшествующих царствований, Карамзин стремился быть в равной мере доказательным и объективным.

Он воздавал должное Екатерине, которая была «истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России»¹¹, особо подчеркнув, что «Петр, насильствуя обычая народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных» и что «Екатерина очистила самодержавие от примесей тиранства». В сущности, это был не только анализ царствования Екатерины — это был символ веры самого Карамзина: идея ненасильственного прогресса он

оставался верен до конца своих дней. Тем огорчительнее для него была констатация того, что «блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах... Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время... В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности... Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы¹² также яснее открылись при сей государыне». Завершая свой краткий очерк екатерининского правления, Карамзин честно признает, что «в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину».

Читая эти и многие другие критические оценки русских государей, нужно постоянно держать в уме: это не была критика ради критики — Карамзин взывал к Александру, показывая царю, какая ответственность лежит на государе, какими последствиями чреваты ошибки и заблуждения, некомпетентность и легкомысленность монарха в России. Стоит ли удивляться, что Александр («Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда») остался недоволен поступком Карамзина (а «Записка» была, вне вся-

кого сомнения, смелым гражданским поступком). Это отразилось и на издательской судьбе «Истории»: дело дошло до попыток цензурирования труда «официального историографа». По-видимому, только заступничество сестры императора, великой княжны Екатерины Павловны¹³, спасло отношения Карамзина и Александра от разрыва и, возможно, «Историю государства Российского» от купюр.

* * *

Как бы то ни было, грандиозный труд Карамзина начал выходить еще при его жизни. В 1816–1817 годах были изданы первые 8 томов: тираж в 3 тысячи экземпляров разошелся за месяц — следом начали выходить допечатки. Успех у публики был неимоверный — отзывы критики напоминали перепалку враждующих сторон. Одни восторженно приветствовали «Историю», другие резко критиковали ее, причем позиции последних часто разнились до противоположности, так что эти «эксперты» начинали, по сути дела, критиковать не труд Карамзина, а позиции (и претензии) друг друга.

В 1818 году Карамзин был избран в Российскую академию — и продолжал работу. Завершая этот поневоле фрагментарный обзор его жизни и деятельности, обратим ваше внимание на еще одно обстоятельство: «Работа над 11–12-м томами изменила карамзинскую концепцию

истории России: если прежде он считал смыслом истории укрепление единства и мощи и, следовательно, основной акцент делал на военно-политической деятельности князей, то теперь на моральном смысле истории... Преступление правителя не может укрепить государства»¹⁴. Возможно, это главный урок, который должно выучить каждое новое поколение читателей «Истории государства Российского».

Кажется, академик Тарле назвал когда-то «Историю XIX века» Лависа и Рамбо лучшей «историей для чтения» — замечательное определение! Благодаря Н. М. Карамзину история русской государственности впервые из области летописных преданий и источниковедческих штудий переместилась в область живого читательского любопытства; под его пером она сделалась и остается и сегодня «лучшей русской историей для чтения».

Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Alexandre Ier
Empereur de Russie

*Государю Императору
Александрю Павловичу
Самодержцу Всея России*

Всемиловейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюся ревностию и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Дмитрия Донского, в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! если счастье Вашего добродетельного сердца равно

Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь возжеленного для народов и Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно Царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом Природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных Царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

*Всемиловейший Государь!
Вашего Императорского Величества*

*верноподданный
Николай Карамзин*

1 — Декабря 8,
1815—1*.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любо-

пытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любили историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидавая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и искусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний, — тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или

столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Ла-

ландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей, ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоусарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах;

Мстиславы *Храбры*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный, Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий, и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвяtitель Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца; но история не роман и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством

и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о деписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остаток республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. — Одним словом, чтение всех историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе